

Е.В. Романова

Особенности этнополитического учения основоположников евразийства

Евразийское этнополитическое пространство, представляя собой продукт и процесс взаимодействия множества этносоциальных общностей, выступает таким «месторазвитием», где с особой остротой стояли и стоят задачи сохранения политического пространства государства.

Одними из первых проблему сохранения этнополитического пространства поставили в начале XX в. основоположники евразийства Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский и др. По их глубокому убеждению, одной из духовных скреп народов Евразии, помимо высокой религиозности, выступает их политическая организация. Осознание важности данного факта привело евразийцев к разработке проблем этнополитики.

Само понятие «этнополитика» появляется в конце XX в. Однако то содержание, которое под ним подразумевается, осмысливалось еще в работах евразийских мыслителей первой волны.

Этнополитическая тема естественно появляется в евразийском учении в связи с необходимостью осмыслить своеобразие исторического развития евразийских этносов и роль географических факторов в их эволюции. Еще в начале 1921 г., до появления основополагающего евразийского сборника «Исход к Востоку», П.Н. Савицкий – один из лидеров евразийского движения – очертил географические, климатические и почвенные особенности месторазвития народов Евразии, связав эти особенности со спецификой политических процессов на евразийском континенте. Месторазвитием в евразийском понимании является геокультурное пространство, определяющее особенности жизнедеятельности исторически проживающих на нем этносоциальных общностей. Тем самым были заложены основы евразийской этно- и геополитики. Эти этногеополитические идеи были затем развиты П.Н. Савицким в других его статьях и брошюрах [1, с. 295–303], а также в работах К.А. Чхеидзе [2]. Существенный вклад в разработку этого раздела этнокультурной евразийской доктрины внес и Г.В. Вернадский.

Известно, что евразийцы считали неправомерным делить Россию на европейскую и азиатскую части. Правильность этого тезиса подтверждается самой географией Евразии, распределением ее зон, идущих не по вертикали, а по горизонтали. «Флагоподобное» расположение географических зон Евразии составляет своеобразие срединного евразийского мира, отде-

ляя его от других частей Старого Света [1, с. 300–301]. Исходя из этого Уральский хребет, вопреки традиционным представлениям, перестает восприниматься как граница между Европой и Азией: за Уралом находятся те же климатические и географические зоны, что и в так называемой европейской части. П.Н. Савицкий настаивает на том, что Евразия представляет собой географическое единство, при всем разнообразии составляющих его частей: и доуральская, и зауральская Россия, обе они в совокупности составляют в сущности один неразделенный континент Евразии, обладающий предельно четкой и простой структурой.

Основным законом, который в течение долгого времени определял и в каком-то смысле до сих пор определяет специфику этнополитических процессов в Евразии, П.Н. Савицкий, как и его единомышленник Г.В. Вернадский, считают взаимодействие *леса и степи* [3, с. 342–371].

Важнейшей осью, около которой вращалась вся история русского, или евразийского мира, была граница между степной и лесной зонами. «Именно взаимодействием исторических формаций степной зоны, с одной стороны, и лесной, с другой, определяется очень многое в политических, культурных, экономических судьбах народов Евразии» [4, л. 2]. В экономической области эта особенность географии отразилась в сочетании двух способов хозяйственной деятельности народов – скотоводства и земледелия. Лес и степь – это также два разных образа жизни (оседлый и кочевой) и, соответственно, разные типы мировосприятия и религиозности, две системы духовных ценностей. Наконец, «лес и степь» – это исторический закон миграции народонаселения на территории Евразии.

Таким образом, этногеография Евразии предопределила соединение в ней двух культурных миров, не похожих друг на друга, нередко противоборствующих, но, тем не менее, сливающихся в единое целое. Синтез, по мнению Г.В. Вернадского, заключается в том, что «степь» создала плоть евразийской государственности, а «лес», испытавший воздействие византийской культуры, дал Евразии христианскую систему ценностей, которая пронизывает самые основы национальной жизни.

Устанавливая связь исторических факторов с географическими и политическими (которая отнюдь не сводится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийцы являются основателями этнополитического и геополитического подходов

к русской истории в русской науке. На это указывал П.Н. Савицкий в работе «Географические и геополитические основы евразийства» [1, с. 300–301]. Своеобразная, предельно четкая и в то же время простая географическая структура России–Евразии связывается с рядом важнейших геополитических и этнополитических тенденций организации евразийского геополитического пространства: центростремительных и центробежных, или, иначе, – тенденций к централизации и децентрализации.

На особенность этих этнополитических процессов обращает внимание и Н.Н. Алексеев. Он считает, что данные процессы постоянно существовали как скрытые, подземные, вулканические течения, нередко вырывавшиеся наружу и производившие немалые потрясения и смуты. Русское государство создано колонизацией и завоеванием. Н.Н. Алексеев утверждает, что наивно было бы думать, что население подвергнувшихся колонизации областей без всяких трений принимало русскую власть и не питало «самостийных» стремлений. В эпоху Московской Руси, в тяжелые годы экономического кризиса конца XVI в. даже само население Великороссии «брело розно», массами выселялось из центра и уходило в «дикое поле», на окраины. Тем более «розно брело» население колонизованных и покоренных областей. Дух местного сепаратизма долго жил у татарского населения покоренного Поволжья; мордва и черемисы не раз пользовались случаем, чтобы поднять восстание против московского правительства. Не раз с оружием в руках выступал против России и башкирский народ. Не без труда была покорена Сибирь с ее многочисленными инородцами. Присоединение Украины отнюдь не происходило гладко: украинская «измена», «мазеповщина», была выражением малороссийского сепаратизма. Польша в течение XIX в. поднималась два раза против России. Сепаратистские мечты зрели и на покоренном Кавказе [5, с. 243]. Однако эти этнополитические «разломы» и «трения», в конечном счете, всегда оказывались более слабыми, чем взаимное политическое, хозяйственное и культурное взаимоотяготение евразийских этносов, входящих в симфоническую евразийскую личность.

С приходом советской власти этнополитика существенным образом изменилась. С целью собрать воедино народы России на развалинах империи новое правительство провозгласило политику их объединения на принципах предоставления национальных автономий с правом их полного самоопределения [6, с. 6].

Анализируя проводимую советским правительством национальную политику, Н.Н. Алексеев предостерегает об опасностях, которые она таит в себе. По его мнению, известный лозунг «Самоопределение национальностей» менее всего несет с собой покой и мир. Наоборот, он разъединяет, таит в себе глубокую и опасную

стихию разложения и вражды. Увлеченные этим лозунгом народы, как в каком-то бреду, уничтожают истинные устои своего экономического существования, ставят себя в явно невыгодное положение и не считаются со своими реальными интересами. Увлечение крайним, исключительным национализмом есть «скорее зло, чем доброе дело» [5, с. 257].

Советская политика результатом своим имела тот парадоксальный факт, считает Н.Н. Алексеев, что из рабочего интернационала родился самый настоящий местный провинциальный национализм. Ближайшие последствия его уже определились в жизни Советского государства: самоопределившиеся народности, которые не всегда составляют большинство населения национальных республик, начинают проявлять национальный шовинизм и угнетать живущие в их пределах национальные меньшинства. Это чрезвычайно грозное явление, быть может, одно из самых опасных для судеб не только советского правительства, но и будущей России [5, с. 252]. Эти слова Н.Н. Алексеева действительно оказались пророческими и для современной России в целом, и для положения русскоязычного населения в бывших республиках Советского Союза в частности.

Чтобы устранить сепаратистские устремления этнических общностей Евразии, нужна правильная, продуманная национальная политика, учитывающая интересы всех входящих в государство народов, предоставившая им культурное самоопределение. По мнению Н.Н. Алексеева, большой ошибкой будет политическая независимость народов, которая закономерно повлечет за собой взрыв сепаратизма.

Федерация России–Евразии, с точки зрения крупнейшего евразийского правоведа, должна выстраиваться не по национальному признаку, а по системе географического и экономического районирования территории, в результате которого крупные административные единицы создаются уже не по национальному, а по экономико-географическому признаку, например Северо-Кавказский край, Сибирский край и др. [5, с. 253]. Национальные автономные области делаются простыми частями этих новых административных единиц.

Принципом формирования федерации должна быть не национальность, а реальное географическое и экономическое целое в виде края или области. Входящие в Россию народы должны получить полную возможность развивать свою индивидуальность и внести свой вклад в общее союзное дело. Для русской культуры возникает благодарная задача принять в себя соборное богатство свободно развивающихся ценностей других союзных народов [5, с. 253]. Нормой русской политики должно быть следующее положение: полная культурная автономия народов России, но не разложение их на самостоятельные политические единства, враждебные друг другу и питающие дух

национального партикуляризма и сепаратизма. Отсюда следует, что рациональная политика государства должна стремиться к постепенному преобразованию своего федерализма из национального в областной. Принципом федерации должна быть не национальность, но реальное географическое и экономическое целое в виде области или края. Конечно, такое целое должно стать и культурным единством, во многих случаях совпадая с национальным целым. Но оно может быть и более широким, чем национальное.

Данную евразийскую разработку высоко оценивали современники. Даже находясь в свое время в оппозиции евразийству, П.М. Бицилли резюмировал: «...если евразийцы выдвигают, с одной стороны, идею единства русской нации, с другой – идею федерации евразийских земель и евразийских народностей, то это свидетельствует об их чутье исторической реальности, и эта сторона евразийства заслуживает величайшего внимания» [7, с. 338].

Этот этнополитический принцип евразийства не только не потерял своей актуальности, но, напротив, только сегодня, в свете трагического распада СССР, обнаруживает всю свою глубину и актуальность. Национальная политика должна опираться на особенности геокультурной, исторической, экономической карты государства – вот кредо евразийцев. «Мозаически-дробное» строение Европы и Азии содействует возникновению небольших замкнутых, обособленных национальных мирков. Здесь есть материальные предпосылки для существования малых государств, особых для каждого города или провинции культурных укладов, экономических областей, обладающих большим хозяйственным и политическим разнообразием на узком пространстве.

Совсем иное дело в Евразии. Широко выкроенная сфера «флагоподобного» расположения зон не содействует описанным тенденциям. Бесконечные равнины приучают к широте горизонта, к размаху геополитических комбинаций. В пределах степей, передвигаясь по земле, в пределах лесов, перемещаясь по воде многочисленных здесь рек и озер, человек находился в постоянной миграции, непрерывно меняя место своего обитания. Этнические и культурные элементы пребывали в интенсивном взаимодействии, скрещивании и перемешивании [1, с. 300–301].

Весьма существенное значение для понимания отличий Евразии от Европы имели у евразийцев данные русской климатологии, почвоведения, ботанической географии, зоогеографии и т.д. Нигде в Европе они

не находили «особую, свойственную России периодическую систему зон (тундра, лес, степь, пустыня)» [8, л. 52]. Определенную зависимость между географическими и климатическими особенностями Евразии и общими чертами в духовной жизни народов Евразии, или, говоря языком евразийцев, «симфонической соборной личности», П.Н. Савицкий подметил в упоминавшейся статье «Европа и Евразия». Поскольку Европе не известны ни столь высокие, ни столь низкие температуры, какие являются общим правилом в климате России-Евразии, то и в духовной жизни Евразии наблюдается столь широкая амплитуда колебаний – от душевной тьмы до «напряженности просветления и порыва, которое недоступно европейской душе и неизвестно в европейской культуре, уравновешенной и законченной в своей, относительно узкой, духовной амплитуде» [1, с. 153–154].

Интересные геополитические выкладки мы обнаруживаем у К.А. Чхеидзе. Он считает, что геополитическое исследование евразийцев ведется в двух основных направлениях и изучает два основных элемента: 1) данное месторазвитие; 2) данный субъект истории.

Человечество, занимающее поверхность земного шара, представляет собою объект геополитического исследования. «Причем, в этом случае, месторазвитием будет весь земной шар, а субъектом истории – все человечество. Исторически исследовательская мысль двигалась параллельно изучению субъектом истории – человечеством – своего месторазвития – земного шара. Сначала изучались ближайшие и меньшие объекты, потом – отдаленные и большие. В пределе – дело идет об интегральном изучении и освоении, если угодно – покорении человечеством земного шара, его природы, его сил» [9, с. 109].

В целом же, по мнению евразийцев, разнообразие природно-климатических зон с соответствующими им хозяйственно-бытовыми укладами и различными этническими субстратами обеспечивают возможности для широкого политического сотрудничества и государственного объединения евразийских народов, где каждый не теряет своей самостоятельности и культурного своеобразия. «Над Евразией веет дух братства народов», – емко резюмировал ее этнополитическое своеобразие П.Н. Савицкий. Думается, что эти этнокультурные и этнополитические евразийские идеалы также ничуть не устарели в плане прочерчивания стратегических линий нынешнего политического развития Евразии.

Библиографический список

1. Савицкий, П.Н. Географические и геополитические основы евразийства / П.Н. Савицкий // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997.

2. Чхеидзе, К.А. Лига наций и государства-материки / К.А. Чхеидзе // Евразийская хроника. – Париж, 1927. – Вып. VIII.

3. Савицкий, П.Н. О задачах кочевниковедения / П.Н. Савицкий // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997.
4. Савицкий, П.Н. Основы геополитики России / П.Н. Савицкий // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5783. – №1. – Ед. хр. 334.
5. Алексеев Н.Н. Советский федерализм / Н.Н. Алексеев // Евразийский временник. – Париж, 1927. – Кн. 5.
6. Бройдо, Г.И. Наша национальная политика и очередные задачи Наркоманца / Г.И. Бройдо // Жизнь национальностей. – М., 1923. – Кн. 1.
7. Бицилли, П.М. Два лика евразийства / П.М. Бицилли // Мир России-Евразии : антология / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М., 1995.
8. ГАРФ. – Фонд П.Н. Савицкого. Оп. 1. Ед. хр. 334.
9. Чхеидзе, К.А. Из области русской геополитики / К.А. Чхеидзе // Тридцатые годы. – Париж, 1931.